

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н. (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,

Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgaria, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiayko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadlov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department
of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Шульга П. И., Хопталь К., Кузнецова М. Е.* Тагарские удила из коллекции графа Зичи (Венгрия).....7
- Байтлеу Д. А., Шагирбаев М. С.* Результаты палеозоологического анализа остеологического материала из поселения эпохи бронзы Балкан в Центральном Казахстане21
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С.* Общие и особенные характеристики детской погребальной обрядности населения Северного Алтая сянбийского времени (по материалам комплекса Карбан-1)32
- Папин Д. В.* Особенности погребальной практики населения лесостепного Алтая в переходное время от бронзы к железу.....46

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Малькова В. К.* О России и россиянах: некоторые ресурсы отечественного интернета56
- Рыблова М. А.* Сакральные локусы и их почитание в традиции донских казаков70
- Содномпилова М. М.* Биологические жидкости человеческого организма в контексте социальных интерпретаций: священное материнское молоко.....83

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Шульга Д. П.* О «крассовой гипотезе» и эллинских мифологических сюжетах в Китае и Монголии.....96
- Волоснов Р. Ю.* Факты наличия религиозных групп с признаками мистического сектанства в сельской местности Алтая в конце XIX — начала XX в. по материалам официальных епархиальных изданий 108
- Юрганова И. И.* Культурный трансфер православия на окраины империи: газета «Якутские епархиальные ведомости» (1887–1917 гг.) 118
- Недзельюк Т. Г.* Государственно-конфессиональная политика временных сибирских правительств (1917–1919 гг.)..... 131
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.* Государственное регулирование деятельности религиозных общин в Западной Сибири в контексте конфессиональной политики России в 1992–2000 гг. 140

ДЛЯ АВТОРОВ154

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Shulga P. I., Hoppal K., Kuznetsova M. E.</i> Tagar bits from count zichi collection (hungary).....	7
<i>Baitleu D. A., Shagirbayev M. S.</i> Results of paleozoological analysis of osteological material from bronze age settlements the Balkan in Central Kazakhstan.....	21
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.</i> General and special characteristics of children's funeral rites of the northern altai population in the xianbei period (on the materials of the Karban-I complex).....	32
<i>Papin D. V.</i> Features of the burial practice of the population of the forest-steppe Altai in the transitional period from bronze to iron.....	46

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Malkova V. K.</i> About Russia and the russians: some recourses of domestic internet.....	56
<i>Ryblova M. A.</i> Sacred locuses and their worship in the tradition of the don Cossacks.....	70
<i>Sodnompilova M. M.</i> Human body fluids in the context of social interpretations: sacred mother's milk.....	83

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Shulga D. P.</i> About the "crassus hypothesis" and the hellenic mythological subjects in China and Mongolia.....	96
<i>Volosnov R. U.</i> Facts of the presence of religious groups with signs of mystical sectarianism in the Altai countryside in the late XIX — early XX centuries based.....	108
<i>Yurganova I. I.</i> Cultural transfer of orthodoxy to the outskirts of the empire: the newsraper "Yakut diocesan vedomosti" (1887–1917) (on materials of official diocesan publications).....	118
<i>Nedzelyuk T. G.</i> State-confessional policy of the provisional siberian governments (1917–1919).....	131
<i>Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S.</i> State regulation of the activities of religious communities in Western Siberia in the context of the confessional policy of Russia in 1992–2000.....	140

FOR AUTHORS	154
--------------------------	-----

УДК 39

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-07

М. М. Содномпилова*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ (Россия)*

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ЖИДКОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ: СВЯЩЕННОЕ МАТЕРИНСКОЕ МОЛОКО

Целью статьи является изучение восприятия образа материнского молока в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Внутренней Азии. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX–XX вв. Основными источниками выступают этнографические и фольклорные материалы. Работа основывается на комплексном системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы.

Система представлений человека о социуме, месте, которое в нем занимает человек, является одним из ключевых элементов традиционного мировоззрения. Важнейшим инструментом в освоении социальной сферы традиционного общества выступает тело человека. Главными в антропоморфной модели выступают кости и внутренние органы человеческого организма. Данное исследование показывает, что не менее важное значение имеют и биологические жидкости организма, в частности грудное молоко. Показано, что материнское молоко имеет чрезвычайно важное значение в понимании взаимоотношений между матерью и ее детьми, формируя в традиционном мировоззрении кочевников понятие о сыновнем и дочернем долге перед матерью, представления о «проклятии молока» или «проклятии груди» как наказании за неуважительное отношение не только к собственной к матери, но и к любой другой кормящей женщине в целом. Такое социальное явление, как «молочное родство» выявляет еще одну важную функцию грудного молока — устанавливать родственные отношения.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюрко-монгольские народы, традиционное мировоззрение, организм человека, грудное молоко, молочное родство, народная медицина.

Цитирование статьи:

Содномпилова М. М. Биологические жидкости человеческого организма в контексте социальных интерпретаций: священное материнское молоко // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 83–95. DOI: 10.14258/nreur(2021)4-07

M. M. Sodnompilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia

HUMAN BODY FLUIDS IN THE CONTEXT OF SOCIAL INTERPRETATIONS: SACRED MOTHER'S MILK

The purpose of the article is to study the perception of the image of mother's milk in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Inner Asia. The chronological framework of the article covers the end of the 19th — 20th centuries. The main sources are ethnographic and folklore materials. The work is based on an integrated, systemic-historical approach to the study of the past. The research methodology is based on historical and ethnographic methods.

A human's system of ideas about society, about the place that a person occupies in it, is one of the key elements of the traditional worldview. The most important tool in the development of the social sphere of traditional society is the human body. Bones and internal organs of the human body are the main ones in the anthropomorphic model. This study shows that body fluids, in particular breast milk, are equally important. It is shown that mother's milk is extremely important in understanding the relationship between a mother and her children, forming in the traditional worldview of nomads the concept of filial and daughter duty to the mother, the idea of the "curse of milk" or "curse of the breast" as a punishment for disrespect not only to your own mother, but also to any other nursing woman in general. Such a social phenomenon as "milk kinship" reveals another important function of breast milk — to establish kinship.

Key words: Inner Asia, Turkic and Mongolian peoples, traditional worldview, human body, mother's milk, "milk kinship", folk medicine.

For citation:

Sodnompilova M. M. Human body fluids in the context of social interpretations: sacred mother's milk. Nations and religions of Eurasia. 2021. Т. 26, № 4. P. 83–95.

DOI: 10.14258/nreur(2021)4-07

Содномпилова Марина Михайловна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ (Россия). Адрес для контактов: sodnompilova@yandex.ru. Orcid 0000-0003-0741-0494

Sodnompilova Marina Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS. Ulan-Ude (Russia). Contact address: sodnompilova@yandex.ru. Orcid 0000-0003-0741-0494

Введение

Система представлений человека о социуме, о месте, которое в нем занимает человек, является одним из ключевых элементов традиционного мировоззрения. Важнейшим инструментом в познании социальной организации, системы социальных коммуникаций выступает тело человека, интерес к которому с точки зрения значимости, например исследований по невербальной коммуникации, только растет. Интерес представляет и такое направление, как «антропология тела», которое широко обсуждает проблемы телесности современной действительности. В мировой исторической науке тело как объект исследования широко представлено в работах зарубежных специалистов, выработавших ряд подходов и направлений его изучения. Среди них особый интерес представляют работы французских авторов — М. Фуко [Foucault, 1978], Ж. Ле Гоффа и Н. Труонга [Le Goff, Truong, 2003], анализировавших историю изучения тела в Средние века. В отечественной науке в этом направлении исследования осуществлялись Я. В. Чесновым, А. К. Байбуриным, Н. Е. Мазаловой в работах, которых нашли отражение идеи телесности в материальной культуре — одежде, предметах быта, пространстве традиционного жилища [Чеснов, 2007; Байбурин, 1993; Мазалова, 2001]. Наиболее полно и развернуто антропоморфная модель пространства представлена в исследовании традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири, выполненного А. М. Сагалаевым, И. В. Октябрьской, Э. Л. Львовой, М. С. Усмановой [Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1989]. Внимание исследователей привлекли костяк человека, органы его чувств и некоторые внутренние органы, что было обусловлено ограниченными ресурсами источниковой базы. При этом биологические жидкости человеческого организма остались вне границ большинства исследовательских работ.

Целью данной работы является анализ комплекса традиционных представлений и верований тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, в которых нашли отражение восприятие и осмысление устройства общества и коммуникаций ее членов между собой, с чужеродцами через призму образа, значения и функций материнского молока.

В фокусе исследования находится большая группа народов, населяющих особый регион — Внутреннюю Азию. В их состав входят монголы, буряты, ойраты, тюрки Южной Сибири (тувинцы, хакасы, алтайцы и др.), а также якуты, тесно связанные происхождением и культурой со своими южными соседями — тюрко-монгольской общностью исследуемого региона. В целях сравнительных исследований обоснованным видится обращение автора к историко-этнографическим и фольклорным материалам других тюркских народов, в частности, кыргызов, казахов в силу не только сходства хозяйственно-культурных типов, во многом определяющих сходство мировоззренческой базы, но и в силу общности происхождения этнических групп, вошедших в состав последних, с тюрками Южной Сибири, монголами. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX–XX вв., что обусловлено состоянием источниковой базы исследования.

Источниками исследования стали историко-этнографические (данные, опубликованные в работах исследователей — этнографов, историков, лингвистов), фольклорные материалы, материалы полевых исследований авторов. В исследовании применялся сравнительно-исторический метод, способствующий выявлению общих черт в по-

нимании и осмыслении физиологии человеческого организма, социальной организации общества и коммуникаций в тюрко-монгольском мире.

Формирование сакрального образа молока, безусловно, связано с воззрениями и осознанием значимости материнского молока для живых существ, в том числе и человека. Все, испившие молоко одной матери, становятся ее детьми. Этот образец, подсказанный самой природой, лег в основу ритуалов, объединяющих людей в единое общество. Вот почему в традиционной культуре кочевников молочная пища наделяется важной социальной функцией — объединять людей и сообщества, в противоположность мясной, выступающей ключевым инструментом, призванным обозначить позицию человека в иерархии общества.

Молочное братство

Мотив породнения/побратимства разных людей вследствие употребления ими пищи, в состав которой входило грудное молоко матери одного из них, часто встречается в генеалогических преданиях бурят. Так, например, в истории о двух основных мифических предках бурят — Булагате и Эхирите, последний становится братом Булагата, отведав лепешки, замешанной на молоке его приемной матери — шаманки Хусыхэн/Хусуйхан [Хангалов, 1958: 103]. Сюжет бурятской сказки повествует о том, как по вкусу молока, замешанного при изготовлении калачей, сыновья царицы Намту-Харакшин узнают о присутствии матери [Хангалов, 1960: 389]. В другом предании монгольский военачальник становится братом единственному сыну бурятки, которая, желая сыну найти хорошего друга, приготовила ему сырки, замешанные на ее грудном молоке. Она посоветовала сыну достать сырок в трудную для него минуту и при встрече с врагом угостить его сырком — так он должен был обрести друга и брата. Молодой человек следует совету матери и, встретившись в пути с монгольским зайсаном, угощает его хуруудом. При этом с зайсаном происходят перемены на психологическом и физиологическом уровнях: «Стоило зайсану Ухину отведать приготовленный матерью Мункэ на грудном молоке кусочек хурууда, как сразу же обмякло его сердце, рассеялось недоверие. Взглянул на Мункэ он глазами родного человека» [Небесная дева-лебедь, 1992: 196–197].

Мотив породнения персонажей преданий, сказок через употребление молока распространяется и на взаимодействия людей и мифических чудовищ. В сказках народов Кавказа главный герой, наткнувшись на чудовище, спасается тем, что подкрадывается к нему сзади и высасывает молоко из груди, перекинутых через плечо. Чудовище не может нанести вред своему молочному сыну [Баранникова, 1973: 116].

В кочевой культуре представления о молочном родстве имели практическое значение: в традиции разных тюрко-монгольских народов обнаруживаются запреты на кормление грудью детей, которые рассматривались как потенциальные женихи и невесты для детей женщины, у которой были излишки грудного молока. Так, у кыргызов в ситуации усыновления ребенка женщиной, имевшей своих детей и кормившей его грудью, в будущем брак между этим ребенком и родными детьми этой женщины был недопустим. Если же она кормила ребенка соской, родство между родными детьми женщины и усыновленным ребенком не устанавливалось. В этом случае брак разрешался

[Фиельструп, 2002: 74]. Аналогичные по смыслу запреты присутствовали в традиционной культуре хакасов, которые запрещали кормить одной грудью чужих младенцев, рожденных в один месяц. Привлекает внимание тот факт, женщине запрещалось кормить даже ребенка родного брата [Бутанаев, Монгуш, 2005: 143]. Напомним в этой связи, что брат женщины приходился самым почитаемым родственником (*таай*) для своего племянника (если речь шла о сыне женщины), и брак с его дочерью рассматривался в кочевой культуре как самая лучшая партия. Кросскузенный брак считался предпочтительным в традициях разных тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Более точные сведения о том, с кем могла делиться грудным молоком женщина, находим у калмыков. Калмычка излишками своего грудного молока могла подкармливать новорожденных или малолетних детей из семей близких родственников мужа [Шараева, 2011: 61], что подтверждает наше предположение о запрете кормления грудью вероятных брачных партнеров детей. Очевидно, если у матери не было молока, к выбору женщины, у которой было достаточно молока, чтобы выкормить своего и чужого ребенка, подходили избирательно. Такая женщина почиталась ребенком всю жизнь как вторая мать [Кустова, 2000: 47].

В кочевой среде хорошо были известны следующие изречения — «Не та мать, которая родила, а та, которая воспитала», «Мать, которая подняла с земли, выше, чем мать, которая родила» [Очир, Галданова, 1988: 122], которые подчеркивали почетный статус повитухи и приемной матери. Факт рождения ребенка у женщины, вероятно, еще не устанавливал ее полную родственную связь со своим ребенком до кормления грудью. На это указывают традиции усыновления детей в кочевой культуре. В частности, этнографические материалы, собранные у тувинцев, показывают, что ребенка, которого планировали отдать в другую семью, роженицы не кормят грудью. Так, в тувинских семьях при рождении близнецов (особенно разнополых), одного из детей, как правило, девочку, непременно следовало отдать на воспитание близким родственникам¹. Ребенка старались отдать в другую семью как можно быстрее. Привлекает внимание тот факт, что мать не кормила ребенка грудью — его поили молоком от черной коровы [Потапов, 1969: 273].

Тем не менее, нельзя сказать, что кочевники не понимали, какое значение имеет для новорожденного употребление молозива: *уураг* — монг. бур. [БРС, 1973: 481; БАМРС, 2001: 369]; *ууз, делбе сүт* — кырг. [Юдахин, 1985б: 311; 1985а: 190], наделявшего ребенка крепким иммунитетом. В основном ребенку давали грудь сразу же, как только у матери появлялось молоко [Кустова 2000: 45]. Но в течение первых двух-трех суток, пока не появилось молоко, ребенка могли поить только кипяченой водой, давали сосать кусочек курдючного сала. Перед первым кормлением ребенка грудью его рот смазывали жиром, маслом. Тувинцы полагали, что вода будет способствовать лучшему пищеварению малыша [Дьяконова, 1988: 155], а полусваренное курдючное сало, по мнению И. В. Бентковского, способствовало очищению кишечника малыша от первородного кала [Батмаев, 2008: 130]. «Ребенок, как замечают калмыки, с жадностью принима-

¹ Близнецы разного пола, по древним воззрениям, считались нежелательными потому, что они родились как бы мужем и женой в утробе матери и подвергались как бы кровосмешению. Поэтому считали, что их необходимо было разделить, чтобы им было легче жить [Потапов, 1969: 273].

ет эту питательную пищу, и эта примета послужила к тому, что известная брань, в которой говорится о материнском молоке, считается у калмыков самым обидным ругательством. Нет обиднее брани для калмыка, как сказать ему „ты жаден, не насытился даже грудью матери”» [Белиловский 2017: 257]. Согласно бурятской сказке убийство новорожденного ребенка, не испробовавшего материнского молозива, является большим грехом, отражаясь на дальнейшей жизни убийцы, и совершения этого греха избегают даже сказочные чудовища [Хангалов, 1960: 277].

Материнская грудь

Особое отношение сложилось в кочевом обществе и к женской груди — источнику молока. Грудь девушки, женщины в традиции кочевой культуры была защищена особым видом одежды — прототипом бюстгалтера, как полагают исследователи традиционной одежды кочевников. В условиях кочевого быта, требовавшего от женщин навыков регулярной верховой езды и даже участия в боевых действиях, короткая безрукавка из тонкой кожи для стягивания груди, по мнению Д. Р. Бадмаевой, была обязательной принадлежностью женской одежды у кочевых народов [Бадмаева, 1987].

С женской грудью ассоциировались ее дети. Во время шаманского обряда, посвященного семейным покровителям, от которых ожидали внимания к членам семьи, женщины-бурятки, имеющие детей, капали жертвенное вино на грудь (мужчины — на колени). В обряде, посвященном монгол-бурханам¹, женщина-хозяйка, принимая свою долю спиртного, после принесения жертвы огню очага «дополнительно смачивала водкой одежду чуть повыше левой груди, макая указательным пальцем правой руки столько раз, сколько было у нее детей» [Хандагурова, 2008: 48]. Это действие означает, что в материнской доле жертвенного вина содержатся и доли ее детей. Женщинам и девушкам, желающим иметь детей, советуют в обряде смачивать одежду на левой груди до трех раз, приближая тем самым возможность материнства [Хандагурова, 2008: 48]. Особое отношение к части одежды на груди просматривается в культуре монголов — людям, у которых была жива мать, запрещалось откусывать пуговицы, пришитые сбоку у груди [Вяткина, 1960: 243].

Женщины обращали внимание на разнообразные ощущения в груди, считая их знаком, сообщающим «информацию» об их детях. Такое предзнаменование — «ырсы» было хорошо известно в разных традициях тюрко-монгольского мира и было связано с разными ощущениями. Внезапное набухание молоком груди женщины предвещало скорое возвращение родных детей [Бутанаев, Монгуш, 2005: 103]. Болезненные ощущения в груди имели плохое предзнаменование: хакасы верили: «Если внезапно заночует женская грудь (правая), то у женщины заболит сын» [Бутанаев, 1999: 33].

В отношении женской груди в кочевой среде выработались определенные запреты. Повсеместно в культуре тюрко-монгольских народов, согласно общественным нормам, обнаженную женскую грудь не должны были видеть посторонние, особенно мужчины из числа родственников мужа. Поэтому женщине запрещалось кормить грудью ребенка при посторонних. Во многом такой запрет был обоснован обычаем избегания, ко-

¹ Монголы-бурханы — духи-покровители семьи и усадьбы в культуре предбайкальских бурят.

торый соблюдала невестка в семье мужа. В то же время существовали и иные причины такого запрета². В калмыцкой традиции открыто кормить грудью разрешалось женщине, родившей близнецов [Шараева, 2011: 61].

В нормативно-правовой культуре возбранялось намеренное прикосновение со стороны мужчин к груди девушки, женщины. Этот запрет был прописан в одном из памятников монгольского права — монголо-ойратском уложении 1640 г. «Их цааз» («Великое уложение»). Статья 122 гласит, что человек, схвативший за грудь девицу или поцеловавший ее, будет наказан щелчком по тайному месту (?) [Их цааз, 1981: 24].

В контексте воззрений о молочном родстве в традиционной культуре тюрко-монгольских народов важно отметить, что у кыргызов, о чем уже говорилось выше, факт молочного родства между родными и неродными детьми женщины устанавливался только при условии кормления их грудью. При кормлении чужого ребенка соской молочное родство не признавалось.

Взаимоотношения родителей и детей в кочевой культуре строго регулировались нравственно-этическими нормами жизни. Дети относились с огромным уважением к старшим, и случаи оскорблений, обид, нанесенных родителям детьми, были редкостью. Тем не менее такие ситуации имели место, а последствия неуважительного отношения к родителям нашли отражение в запретах, нравоучениях. Особое место в них занимает образ матери и священного материнского молока. В языке кыргызов встречается несколько выражений, характерных в большей степени для текстов эпических произведений, в которых мать проклинает неблагодарного сына, либо раскаявшийся сын обращается к матери с просьбой простить его: обращение сына к матери — «прости мне мою неблагодарность» (букв, «прости мне твоё молоко»), «если я растеряюсь и убегу от врага, пусть покарает меня белое молоко моей матери»; проклятие матери — «пусть поразит (тебя) моё молоко», «я не прощу тебе молоко моей груди») [Юдахин, 1985а: 175].

В традиционной свадебной обрядности монгольских и некоторых тюркских народов как часть выкупа за невесту ее матери обязательно восполняется особой формой оплаты ее грудное молоко, которым она вскормила дочь. Эта идея находит отражение в распространенном элементе свадебной обрядности — «платы за молоко матери». Суть ритуала состоит в одаривании матери невесты стороной жениха животным женского пола белой масти: состоятельная семья преподносит матери невесты белую кобылицу или корову светлой масти, семьи победнее — белую овцу, нередко с приплодом. Кроме того, возможно также, что данный акт являлся одним из этапов символического «породнения» жениха с невестой. Привлекает внимание обозначение такого дара

² У хакасов отмечены опасения, что обнаженную грудь роженицы увидит злой дух айна, который мог высосать все молоко из груди женщины, ничего не оставив для ребенка. Поэтому роженица рожала в одежде [Кустова, 2000: 30]. Вполне вероятно, что открыто кормить грудью ребенка женщины опасались также в силу возможной порчи молока, что в свою очередь могло нанести вред ребенку. Согласно традиционным представлениям тюрко-монголов молоко могло «испортиться», если женщина находилась в нечистом месте, например в доме, где умер человек, на кладбище, среди людей, которые могли навести порчу. Чтобы исключить негативное влияние на ребенка, молоко перед кормлением следовало сцедить. Так, у хакасов молодая мать, бывшая на поминках, прежде чем кормить грудью малыша, должна была сцедить немного молока. Если ребенок не брал материнскую грудь, сцеживали немного молока собаке [Бутанаев, Монгуш, 2005: 148].

в тувинском и алтайских языках — *эмчек каргыжи* (букв. «грудь проклятия») [Дьяконова, 2001: 124]. Полагаем, что отсутствие такой формы выкупа могло негативным образом сказаться на только что установленных социальных связях между родственниками жениха и невесты.

У хакасов возбранялось обижать любую кормящую грудью женщину: «Если обидишь кормящую мать — грудь проклянет» [Бутанаев, 2004: 33]. Страшным наказанием считали обиду матери, материнские слезы казахи. По их мнению, проклятие матери «экеқарғысы» представляет явную угрозу для человека, наоборот, молоко матери, ее руки («ана қолы ем») исцеляют, оберегают его [Мусабекова, 2016: 37]. Буряты считали, что проклятие отца гораздо сильнее, поскольку неблагодарного сына или дочь от его слов ничто не защитит, а проклятие матери смягчит ее грудное молоко [ПМА, Галданова]. Кроме того, верили, что самой женщине бог грехи прощает, потому что она рождает детей и кормит их грудью. «Говорят, что материнское белое молоко от грехов спасает» [Жамбалова, 2013: 33].

Грудное молоко в народной медицине

В народной медицине кочевников материнское молоко, считаясь целебным, использовалось как лекарственное средство от разных заболеваний, особенно детских. В казахской мифологии божество, покровительствующее рождению детей, богиня плодородия Умай, в руках держала золотую чашу с освященным молоком, где помещались души детей. Заболевших детей она поила этим молоком, принося им исцеление [Мусабекова, 2016: 36]. Грудным молоком хакасы промывали нагноение глаз у детей, а также использовали молоко при лечении бельма [Бутанаев, 1995: 9]. Алтайцы промывали грудным молоком лицо, глаза, нос ребенка. И в последующем грудное молоко считалось главным лекарством для младенца — при насморке, при воспалении глаз [Функ, Томилов, 2006: 424]. Буряты считали полезной для укрепления здоровья младенца процедуру смазывания его тела материнским молоком.

Заключение

В данной статье была сделана попытка обобщить и систематизировать разрозненные сведения о материнском молоке не только как биологической жидкости человеческого организма, представляющего жизненно важное питание грудных детей. Показано, что материнское молоко имеет чрезвычайно важное значение в понимании взаимоотношений между матерью и ее детьми, формируя в традиционном мировоззрении кочевников понятие о сыновнем и дочернем долге перед матерью, представления о «проклятии молока» или «проклятии груди» как наказания за неуважительное отношение не только к собственной к матери, но и к любой другой кормящей женщине в целом.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241–1).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1987. 142 с.
- Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста : Герел, 2009. 255 с.
- Баранникова Е. В. Символика белого цвета в бурятских волшебных сказках // Филологические записки. Труды БИОН. Вып. 19. Улан-Удэ, 1973. С. 103–119.
- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 238 с.
- Белиловский А. К. Об обычаях и обрядах при родах инородческих женщин в Сибири и Средней Азии // Иностранцы. Очерки дореволюционной этнографии. М. : Common place, 2017. С. 236–261.
- Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 3 / отв. ред. Г.Ц. Пюрбе-ев. М. : Academia, 2001. 440 с.
- Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М. : Советская энциклопедия, 1973. 803 с.
- Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан : Хакасия, 1999. 240 с.
- Бутанаев В. Я. Народная медицина Хакасско-Минусинского края. Абакан : Мединком, 1995. 24 с.
- Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2004. 279 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2005. 196 с.
- Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М. ; Л. : Наука, 1960. С. 159–269.
- Дьяконова В. П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л. : Наука, 1988. С. 152–186.
- Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск : Юч-Сюмер, 2001. 223 с.
- Жамбалова С. Г. Реминисценции кочевого образа жизни на фоне повседневных практик советского и постсоветского времени (Устная история Г. Б. Тудиновой). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 148 с.
- Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / трасл., пер., введ. и ком. С. Д. Дылыкова М. : Наука, 1981. 148 с.
- Кустова Ю. Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. 160 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск : Наука, 1989. 243 с.
- Мазалова Н. Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. 192 с.

Мусабекова У. А. Образ женщины в мифе, фольклоре, тюркской литературе (на материале тюркской культуры) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2016. Т. 2, вып. 4 (8). С. 35–41.

Небесная дева-лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды / сост. И. Е. Тугутов, А. И. Тугутов. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1992. 368 с.

Очир А., Галданова Г. Р. Традиционная семейная обрядность мингатов МНР // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1988. С. 109–128.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 401 с.

Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М. : Наука, 2002. 298 с.

Функ Д. А., Томилов Н. А. (отв. ред.). Тюркские народы Сибири. М. : Наука, 2006. 678 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений : в 3 т. Т. I. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958. 550 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. III. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1960. 421 с.

Хандагурова М. В. Обрядность кудинских и верхоленских бурят во 2 половине XX в. (бассейнов верхнего и среднего течения рек Куды, Мурино и Каменка). Иркутск : Амтера, 2008. 228 с.

Чеснов Я. В. Шаг Майтрейи: некоторые аспекты изучения кинесики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. : Наука, 1989. С. 122–139.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX — начала XXI в. Элиста : Джангар, 2011. 218 с.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Кн. 1. М. : Советская энциклопедия, 1965. 503 с.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Кн. 2. М. : Советская энциклопедия, 1965. 474 с.

Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1. An Introduction. New York : Pantheon Books, 1978. 169 p.

Le Goff J., Truong N. Une Histoire du corps au Moyen-Age. Paris : Editions Liana Levi, 2003. 197 p.

REFERENCES

Badmaeva R. D. *Buryatskii narodnyi kostyum* [Buryat folk costume]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1987, 142 s. (in Russian).

Batmayev M. M. *Sem'ya i brak v traditsiyakh kalmykov* [Family and marriage in the traditions of the Kalmyks]. Elista: Gerel, 2009, 255 s. (in Russian).

Barannikova E. V. Simvolika belogo tsveta v buryatskikh volshebnykh skazkakh [White symbolism in Buryat fairy tales]. *Filologicheskiye zapiski. Trudy BION*. [Philological notes. Works of BION]. Vol. 19. Ulan-Ude, 1973. S. 103–119 (in Russian).

Baiburin A. K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochno-slavyanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of the East Slavic rituals]. Saint-Petersburg: Nauka, 1993. 238 s. (in Russian).

Belilovskii A. K. Ob obyчайakh i obryadakh pri rodakh inorodcheskikh zhenshchin v Sibiri i Sredney Azii [On customs and rituals during childbirth of foreign women in Siberia and Central Asia]. *Inorodtsy. Ocherki dorevolutsionnoy etnografii* [Inorodtsy. Essays on pre-revolutionary ethnography]. Moscow: Common place, 2017. S. 236–261 (in Russian).

Boľshoy akademicheskii mongol’sko-russkiy slovar’ [Comprehensive academic Mongolian-Russian dictionary]. T. 3. Ed. by G. Ts. Piurbeev. Moscow: Academia, 2001. 440 s. (in Mongolian and Russian).

Buryatsko-russkiy slovar’ [Buryat-Russian dictionary]. Comp. by K. M. Cheremisov. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1973. 803 s. (in Buryat and Russian).

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskii slovar’* [Khakassian-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan: Khakasiya. 1999. 240 s. (in Khakassian and Russian).

Butanaev V. Ya. Narodnaia medicina Khakassko-Minusinskogo kraia [Folk medicine of the Khakass-Minusinsk region]. Abakan: Medinkom, 1995. 24 s. (in Russian)

Butanaev V. Ya. *Stepnyye zakony Khongoraya* [Khongorai steppe laws]. Abakan: Khakassian St. Univ. Publ., 2004. 279 s. (in Russian).

Butanaev V. Ya, Mongush Ch. V. *Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov* [Archaic customs and rites of the Sayan Turks]. Abakan, Khakassian State University Publ., 2005, 196 s. (in Russian).

Viatkina K. V. Mongoly Mongolskoi Narodnoi Respubliki (Materialy istoriko-etnograficheskoi ekspeditsii Akademii nauk SSSR i Komiteta nauk MNR 1948–1949 gg.) [Mongols of Mongolian People’s Republic (Materials of Historian and Ethnographic expedition of AS USSR and Scientific Committee of MPR in 1948–1949)]. *Vostochno-Aziatskii etnograficheskii sbornik* [East Asian ethnographic collection]. Moscow, Leningrad, 1960, S. 159–269 (in Russian).

Diakonova V. P. Detstvo v traditsionnoy kul’ture tuvintsev i telengitov [Childhood in the traditional culture of Tuvans and Telengits]. *Traditsionnoye vospitaniye detey u narodov Sibiri* [Traditional education of children among the peoples of Siberia]. Leningrad: Nauka, 1988. S. 152–186 (in Russian).

Diakonova V. P. *Altaytsy (materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya)* [Altaians (materials on the ethnography of the Telengits of Gorny Altai)]. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer, 2001. 223 s. (in Russian).

Zhambalova S. G. *Reministsentsii kochevogo obraza zhizni na fone povsednevnykh praktik sovetskogo i postsovetskogo vremeni. (Ustnaya istoriya G. B. Tudinovoy)* [Reminiscences of the nomadic way of life against the background of everyday practices of the Soviet and post-Soviet times. (Oral history of G. B. Tudinova)]. Ulan-Ude: BNC SO RAN Publ., 2013. 148 s. (in Russian).

Ikh tsaaz (“Velikoye ulozheniye”). Pamyatnik mongol’skogo feodal’nogo prava XVII v. [Ikh tsaaz (“Great Code”). Monument of the Mongolian feudal law of the 17th century]. Transliteration, translation, introduction and commentaries by S. D. Dylykov. Moscow: Nauka, 1981. 148 s. (in Russian).

Kustova Yu. G. *Rebenok i detstvo v traditsionnoy kul'ture khakasov* [Child and childhood in the traditional culture of the Khakass people]. Saint-Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 2000. 160 s. (in Russian).

Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. *Traditsionnoe mirivozrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Chelovek. Obshchestvo* [Traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Human. Society]. Novosibirsk, Nauka, 1989, 243 s. (in Russian).

Mazalova N. E. *Chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniyakh russkikh* [Human in the traditional somatic perceptions of Russians]. Saint-Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2001. 192 s. (in Russian).

Musabekova U. A. *Obraz zhenshchiny v mife, fol'klore, tyurkskoy literature (na materiale tyurkskoy kul'tury)* [The image of a woman in myth, folklore, and Turkic literature (based on the material of Turkic culture)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskiye nauki i kul'turologiya* [Bulletin of the Tambov University. Series Philological Sciences and Culturology]. 2016. T. 2. Vol. 4 (8). S. 35–41 (in Russian).

Nebesnaya deva-lebed'. Buryatskiye skazki, predaniya i legendy [Heavenly maiden-swan. Buryat tales, traditions and legends]. Comp. by. I. E. Tugutov, A. I. Tugutov. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdaniye, 1992. 368 s. (in Russian).

Ochir A., Galdanova G. R. *Traditsionnaya semeinaia obryadnost' mingatov MNR* [Traditional family rituals of the Mingats of the Mongolian People's Republic]. *Kul'turno-bytovye traditsii buryat i mongolov* [Cultural and everyday traditions of the Buryats and Mongols]. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR, 1988. S. 109–128 (in Russian).

Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the Tuvinian people's way of life]. Moscow: Nauka, 1969. 401 s. (in Russian).

Fielstrup F. A. *Iz obryadovoy zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the ritual life of the Kyrgyz at the beginning of the 20th century]. Moscow: Nauka, 2002. 298 s. (in Russian).

Funk D. A., Tomilov N. A. (Eds.) *Tyurkskiye narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka, 2006. 678 s. (in Russian).

Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1958, Vol. 1, 550 s. (in Russian).

Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1960, Vol. 3, 420 s. (in Russian).

Khandagurova M. V. *Obryadnost' kudinskikh i verkholenskikh buryat vo 2 polovine XX v. (basseynov verkhnego i srednego techeniya rek Kuda, Murino i Kamenka)* [Ritualism of the Kudin and Verkholensk Buryats in the 2nd half of the 20th century. (basins of the upper and middle reaches of the rivers Kuda, Murino and Kamenka)]. Irkutsk: Amtera, 2008. 228 s. (in Russian).

Chesnov Ya. V. *Shag Maytreiy: nekotoryye aspekty izucheniya kinesiki* [Maitreya's step: some aspects of the study of kinesics]. *Etnograficheskoye izucheniye znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of the symbolic means of culture.]. Leningrad: Nauka, 1989. S. 122–139 (in Russian).

Sharaeva T. I. *Obryady zhiznennogo tsikla kalmykov XIX — nachala XXI v.* [Rituals of the life cycle of the Kalmyks of the 19th — early 21st centuries]. Elista: Dzhangar, 2011, 218 s. (in Russian).

Yudakhin K. K. *Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Book 1. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1965. 503 s.

Yudakhin K. K. *Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Book 2. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1965. 474 s.

Foucault M. *The History of Sexuality*. Vol. 1. An Introduction. New York: Pantheon Books, 1978. 169 s. (in English)

Le Goff J., Truong N. *Une Histoire du corps au Moyen-Age*. Paris: Editions Liana Levi, 2003. 197 s. (in French)

Статья поступила в редакцию: 24.07.2021

Принята к публикации 28.09.2021

Дата публикации 30.11.2021